

Юлия Захарова

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

УДК 82-3
ББК 84-4
3-38

Захарова Ю.

3-38 Последний штрих / Юлия Захарова – М.: Литнет, 2026. – 230 с.

ISBN 978-5-521-99137-2

Он – вершина айсберга: светский лев, гений инсталляции, чье имя стало брендом. Его жизнь – это гламурные вернисажи, дорогое шампанское и красивые, но пустые отношения. Она – подводная часть: талантливая, но никому не известная студентка, чье искусство рождается в душе, а не для продажи. Ее жизнь – это запах дешевой акварели, долгие смены в кафе и вера в чудо. Их встреча была мимолетной. Его жест – формальностью. Ее решение – точкой невозврата. Что произойдет, когда эти два мира столкнутся? Сможет ли мастер разглядеть гения в застенчивой ученице? Сумеет ли ученица не сгореть в огне своей одержимости и не потерять себя в тени великого мастера? Роман о цене славы и стоимости мечты, о сложном выборе между долгом и чувством, о том, как одно мгновение может разделить жизнь на «до» и «после».

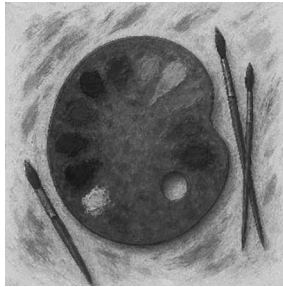

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99137-2

© Литнет, 2026
© Ю. Захарова, 2026

Пролог

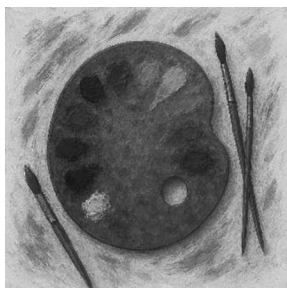
Анастасия

Он был моим светом, к которому я тянулась. Моим солнцем, к которому я направила свои крылья. Я думала, что он меня зажжет своим сиянием, но он едва не спалил меня до тла...

Иннокентий

Внутри нее звучала музыка. Такая прекрасная, что ее хотелось слушать снова и снова. Я никогда раньше не слышал ничего подобного. И это было восхитительно. Сначала она была тихой, едва различимой, но стоило мне коснуться ее, она начинала звучать увереннее, громче. И я правил ее, задавал тон, словно могущественный дирижер, за каждым движением которого следит целый оркестр. Но однажды все вышло из-под контроля. Музыка стала столь мощной и резонансной, что перестала мне подчиняться и начала оглушать. Я больше не мог этого выносить...

Глава 1. Иннокентий

Вернисаж был в самом разгаре, когда я впервые ее увидел. Анастасию, Ану, как она сама себя называла. Я не сразу заметил ее, хотя она потом утверждала, что пришла одной из первых, а ушла самая последняя. Худенькое тщедушное тело – я сначала даже принял ее за подростка, огромные щенячьи глаза, старые поношенные сапожки, давно вышедшие из моды и легкое, не по погоде, пальто, которое, казалось, было ей слишком велико. Вот и все, что мой глаз успел зацепить за время той короткой встречи.

Гости, среди которых была вся моя семья – родители и сестра Майя, самые близкие друзья и, конечно, коллеги по цеху – художники, именитые и начинающие, а еще критики, журналисты и меценаты, все они с важным видом расхаживали по галерее, пили дорожное шампанское, ели канапе с икрой и рассматривали вывешенные на стенах результаты моей пятилетней работы. Ана тихонечко жалась в уголке и явно чувствовала себя не в своей тарелке. Оттуда, из своего убежища, она широко распахнутыми глазами наблюдала за броуновским движением, происходящем в зале и, кажется, иногда даже забывала дышать. Периодически ее взгляд скользил по картинам, и тогда в глазах исчезал страх загнанного в ловушку зверька, и вспыхивал странный блеск. Я распознал его, как восхищение.

Ну, конечно, фанатка! Как я сразу ее не считал? Обычно я довольно

хорошо разбирался в людях. Видимо, в тот момент я был слишком занят, принимая бесконечные поздравления, пожимая десятки протянутых мне ладоней и раздавая благодарные улыбки. Такова была цена славы...

Я как раз закончил общаться с одним из гостей, как заметил, что фигурка девушки отделилась от стены и метнулась в мою сторону. В руках она сжимала папку из-под дешевой бумаги для акварели. Я машинально закатил глаза, уже зная, о чем будет разговор.

– Здравствуйте, Иннокентий, – ее голос дрожал от волнения.

Она говорила так тихо, что мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать произносимые ею слова.

– Я ваша большая поклонница, – сообщила девушка, но затем исправилась. – Точнее, вашего творчества.

– Вы здесь не одиноки, – усмехнулся я и обвел раскрытой ладонью зал, заполненный посетителями до отказа.

Она скромно улыбнулась и спрятала глаза в пол.

– Меня зовут Ана, – представилась девушка.

– Приятно, Аня, – соврал я.

– Нет, – замотала она головой. – Ана... Это от Анастасии.

Я хмыкнул, не найдя, что ответить.

– Как вам выставка? – спросил я, когда пауза слишком затянулась.

По этикету я должен был уделять равное внимание всем гостям, не зависимо от их положения и статуса, поэтому хотя бы короткий разговор надо было поддержать.

– Я знаю, что сегодня открытие... И вы ужасно заняты... – заикаясь произнесла Ана, поднимая на меня взгляд. – Но не могли бы взглянуть на мои работы. Хоть одним глазком. Я тоже художник...

Она робко протянула мне папку со своими рисунками, но я не притронулся к ним. Эта просьба жутко меня разозлила, но я сдержал эмоции и не стал их показывать на людях.

– Половина присутствующих здесь гостей – художники! – процедил я сквозь зубы. – Может быть вы видите кого-то, кто пришел на чужую выставку со своими картинами?

– Нет! – испуганно замотала головой девушка и отступила назад. – Простите! Простите меня! Это была плохая идея!

– Если честно, то да! – сменил я гнев на милость и даже подмигнул ей.

Ана уже собралась сбежать, но я остановил ее.

– Знаете, как мы поступим? – предложил я. – Через две недели в моей студии открывается новый набор учеников. Приходите! Разберем ваши работы.

Ее лицо просияло. Она закивала головой, как китайский болванчик, продолжая пятиться назад.

– Вот, – я достал из кармана карточку с координатами школы и протянул ей вслед. – Приходите.

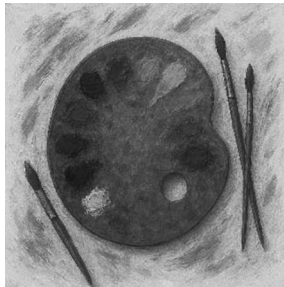
Она приняла ее и бережно убрала в карман пальто.

– Я приду, – пообещала Ана и скрылась в толпе.

Меня тут же окружили новые гости. Мне пожимали руки, хлопали по плечу, целовали в щеки. Каждый хотел прикоснуться к гению по имени Иннокентий Лисовец, как меня в последнее время называли в СМИ.

Еще несколько раз мой взгляд то тут, то там натыкался на эту странную девушку. В тот день я переговорил более чем с сотней людей, но ее, почему-то запомнил...

Глава 2. Анастасия

Я мчала по лестнице на девятый этаж, перескакивая сразу две или три ступеньки. Лифт, как обычно, приказал долго жить. Кажется, что из трехсот шестидесяти пяти дней в году он работал от силы дней тридцать-сорок, а все остальное время стоял застрявший на одном из этажей с разинутой в предсмертных судорогах пастью.

Дом, где мы с подругой Женей снимали малюсенькую квартирку под самой крышей, был старым, стоял на отшибе и до него абсолютно никому не было дела. Поначалу жильцы как-то пытались исправить ситуацию, но потом махнули рукой. Большинство переехало в более благополучные районы, пустив в свои бедовые жилища не слишком платежеспособных квартирантов.

– Женька! – заорала я, едва входная дверь со скрипом отворилась, запуская меня внутрь. – Женя! Ты сейчас упадешь!

После промозглой осенней слякотной погоды дом встретил меня теплом и уютом. Хотя, может быть мне просто стало жарка от быстрого бега по лестнице.

– Чего орешь? – высунула из кухни свою кудрявую голову подруга. – Где-то пожар?

– Не-а, – покачала я головой и привалилась к дверному косяку, переводя сбившееся дыхание.

– Тогда раздевайся, мой руки и пошли, буду ужином тебя кормить! – распорядилась Женька.

Она в нашем тандеме отвечала за готовку, а я за уборку, чему я была несказанно рада, потому что кулинар из меня был совсем никакой. Мне не доверяли даже сварить яйца. Они у меня то лопались, то недова- ривались, то переваривались до резинового состояния. Женька часто подшучивала надо мной, что у меня вкусно получается только кипяток. При этом чай она тоже предпочитала наливать сама.

Я бросила на трюмо раскисшую под дождем папку с эскиза- ми, сняла сапожки, задвинула их с прохода под вешалку, убрала пальто в шкаф и прошмыгнула в ванную. Глянув на свое отраже- ние в зеркале, я заметила, что не смотря на уставший и промок- ший под морозящим дождем вид, глаза у меня буквально горели от счастья.

– Ну, рассказывай! – Женька поставила передо мной тарелку с супом, а сама села напротив, подперев рукой подбородок. – Что стряслось?

– А ты что, есть не будешь? – я взяла ложку и помешала в тарел- ке густое красноватое варево. – Это что – щи?

– Ага, – кивнула подруга.

– А почему они рыбой пахнут? – поморщилась я, принюхиваясь.

– Потому что они из рыбы, – пожала плечами Женья. – С килькой в томате. Неужели никогда не ела такие?

– Никогда, – покачала я головой.

Если честно, то и попробовать не хотелось. Я и так рыбу особо не жалую, а в супе – это вообще перебор.

– Ну чего ты мне козьи морды тут строишь? – насупилась подруга. – Были б деньги, я бы сходила на рынок, купила свежей говяди- ны и...

– Но денег у нас нет! Поняла, – перебила я ее, зачерпнула полную ложку и зажмурив глаза отправила ее в рот.

– Так ты скажешь, что тебя так взбудоражило или нет? – верну- ла меня к началу разговора Женька. – Долго мне тебя ждать?

– Погоди, прожую, – щи, кстати, оказались не так ужасны, как мне показалось на первый взгляд.

– Можно, как-то активнее челюстями работать? – поторопила она меня.

– Да можно! – я проглотила тщательно пережеванную пищу и подняла на Женьку свои сияющие глаза. – Я с ним говорила!

– С кем с ним? – не поняла она сначала, а потом до нее вдруг дошло. – Да ладно?! Неужели с Лисовцом?

– Ага, с ним, – я дала Женьке время поахать, а сама пока проглотила, не жуя, еще пару ложек рыбного супа.

– Хватит есть! – одернула меня подруга. – Рассказывай, как это было! Он посмотрел рисунки.

– Нет, – покачала я головой. – Но он пригласил меня на свои курсы. Через две недели начало.

– Курсы... Курсы... – Женька теребила пальцами нижнюю губу и перебила в голове мысли. – Ты хоть видела, сколько они стоят?

– Сколько? – испугалась я. Про то, что курсы у именитого мастера могут стоить неподъемно дорого, я даже не подумала.

– Сейчас... – подруга выудила из кармана спортивных штанов телефон и полезла в интернет. – Лисовец... Лисовец... Да где же это?

Она быстро тыкала в экран, пролистывала страницы, пока, наконец, не нашла нужную информацию.

– Вот! Нашла! – Женька положила телефон на стол и пододвинулась ко мне поближе, чтобы мы смогли читать вместе.

– Семнадцать пятьсот за месяц? – у меня внутри все оборвалось. – Это же грабеж среди белого дня!

– Ну а что ты хотела? – удивилась Женька. – Он же маэстро! Все мечтают у него учиться.

– Блин... – я расстроилась и отодвинула от себя наполовину полную тарелку. Appetit исчез в одно мгновение. – А я так надеялась...

– Ну ладно тебе, не кисни, – попыталась подбодрить меня Женька. – Ты учишься в художественном училище. Зачем тебе еще дополнительные курсы?

– Ты не понимаешь, – вздохнула я, а в глазах зашипало от желания заплакать. – Это путевка в большое искусство. Семнадцать пятьсот...

– Ага... Это даже больше, чем мы с тобой за квартиру платим, – поддакнула подруга.

Мы обе были студентками. Я получала стипендию, немного денег высылали каждый месяц родители, а по вечерам три раза в неделю мы с Женькой подрабатывали в кафе недалеко от дома. На скромную жизнь хватало. А вот на курсы точно нет. И в тот момент, когда я поняла, что не смогу исполнить свою мечту, мне показалось, что моя жизнь рухнула.

Весь вечер я пролежала на кровати, отвернувшись лицом к стене, громко и тяжело вздыхая. Женька пыталась меня как-то подбодрить, но у нее ничего не вышло – так сильно я расстроилась.

– Да черт с тобой! – не выдержала подруга. – Я скопила немного денег на новый пуховик. Всей суммы нет, конечно, придется где-то раздобыть еще...

– Сколько у тебя есть? – я резко села на кровати и схватила Женьку за руки.

– Десять тысяч, – сообщила она мне.

Я взвизгнула и бросилась ей на шею. До начала курсов оставалось еще две недели. За это время я соберу недостающую сумму.